

Бурдо Н. Б.

Название статьи И. В. Палагута не совсем точно отражает ее содержание, подразумевая тему гораздо более обширную, нежели рассмотренные автором материалы. При этом ключевые концептуальные моменты, равно как и взгляды других исследователей, поданы в тезисной форме, что представляется в данном случае не очень удачным.

С положением о том, что в изучении пластики наиболее актуальной является ее интерпретация, можно согласиться, однако достоверная интерпретация возможна лишь для тех археологических источников, которые прошли все стадии изучения: систематизацию и классификацию. Антропоморфная пластика Триполья-Кукутени не является таким источником. Многочисленные работы и монографические исследования (Бибиков 1953; Погожева 1983; Rogoševa 1985; Monah 1997; Мовша 1975; Бурдо 2001, 2013) знаменуют только начало процесса источниковедческого анализа огромного массива артефактов как единой изобразительной традиции древних земледельцев Карпато-Поднепровья.

Историография вопроса изложена поверхностно, анализ собственно взглядов конкретных исследователей на рассматриваемую проблему отсутствует. Вместо этого И. В. Палагута конструирует некие историографические образы, которые и критикует. Например, можно смело утверждать, что в работах второй половины XX — начала XXI вв., посвященных трипольско-кукутенской пластике, отсутствуют положения И.-Г. Бахофена, как и идеи матриархата. В то же время из текста автора вытекает якобы прямое применение этих идей к предмету исследования другими исследователями.

Можно соглашаться или не соглашаться с выводами по обсуждаемой теме, сделанными Б. А. Рыбаковым, но необходимо отметить, что он руководствовался не «железной логикой», как представляется И. В. Палагута, а довольно подробно и четко обосновал свой «ретроспективный метод восстановления древних идеологических представлений», в частности и трипольско-кукутенской культуры (Рыбаков 1981: 146–212).

Неадекватной выглядит критика взглядов М. Гимбутас. Гендерная проблема лишь одна из составляющих ее глобальной концепции. Абсолютно не соответствует действительности заявление об отсутствии до последнего времени критики взглядов М. Гимбутас, так как разные моменты ее исследований неоднократно вызвали дискуссии. Что касается «религии Великой Богини», то эту концепцию одинаково трудно как доказать, так и опровергнуть. В то же время имеющие отношение к теме важные положения о конкретных предметах пластики, высказанные М. Гимбутас, в историографическом обзоре отсутствуют.

Утверждение И. В. Палагута о том, что в работах Е. В. Антоновой и П. Ако опровергнуто мнение о раннеземледельческих фигурках как отражениях ипостаси Великой Богини не соответствует действительности. Более адекватно взгляды этих и многих других исследователей можно было бы сформулировать, сказав, что антропоморфная древнеземледельческая пластика многофункциональна и не может быть сведена к одному лишь образу Великой Богини (напр. Бибиков 1953: 258–259).

Весьма неудачно выглядит ссылка на интерпретацию пластики в работе Н. Б. Бурдо и М. Ю. Видейко (Бурдо, Видейко 2008). Книга относится к разряду беллетристики, а не научной литературы, хотя ее авторы высказали свое мнение и в научных публикациях, в том числе и упомянутых И. В. Палагудой (Бурдо 2004). К тому же И. В. Палагута полностью искажил смысл изложенных в нашей работе представлений, поскольку изобразительный ряд из античных и египетских материалов был приведен не в качестве прямых аналогий, а для презентации образов божеств Древнего Мира в целом.

Не актуален призыв автора доказывать «наличие общих метафор и мифологем в рамках раннеземледельческого мира Евразии». Если бы И. В. Палагута и в самом деле изучил труды М. Элиаде (Элиаде 1999), упомянутого им невпопад в связи с работой Д. Монаха, он бы узнал, что это положение как раз уже давно доказано. Критикуемое использование идей М. Мосса касается ритуала жертвоприношения и не имеет прямого отношения к интерпретации антропоморфной пластики.

Все эти неточности можно было бы игнорировать, если бы в историографическом обзоре присутствовал реальный анализ взглядов на проблему интерпретации трипольско-кукутенской пластики, а не только общие рассуждения, не имеющие прямого отношения к рассматриваемой теме. Представляется, что изложенные И. В. Палагудой «подходы» к изучению трипольско-кукутенской пластики искусственно сконструированы автором и имеют очень мало общего с взглядами исследователей, работавших в этой области. Отвергая эти виртуальные подходы как непродуктивные, автор предлагает рассматривать «искусство пластики», опираясь на «реконструкции этносоциальной среды», в которой оно развивалось, в соответствии с высказыванием К. Маркса о том, что «туманные религиозные представления» в конечном итоге возникают из «данных отношений реальной жизни».

В рамках данной дискуссии невозможно анализировать положения марксизма, связанные с древней историей. Однако хочется отметить: представления самого К. Маркса о первобытном обществе были еще более туманны, чем религиозные представления представителей этого общества. Они были основаны на данных именно тех этнографов XIX в., методы которых так убедительно критикует И. В. Палагута, ссылаясь на Э. Эванса-Причарда.

Представляется, что разные части статьи, одна из которых посвящена рассмотрению раннетрипольской пластики, а вторая моделированию социально-экономических параметров раннетрипольского социума, не связаны между собой. Неравнозначны эти части работы и по масштабности проблематики. Третья часть статьи посвящена интерпретации наборов пластики, исходя из предложенной автором модели раннетрипольского общества.

Анализируя конкретные комплексы статуэток, И. В. Палагута нарушает им же предложенные принципы комплексного анализа на этапе систематизации источников. Здесь следует рассмотреть конкретные промахи и неточности в источниковедческом анализе артефактов, избранных им для изучения. Сразу же отметим, что отсутствие четких дефиниций, принятых в данном исследовании, не способствует убедительности аргументации выводов автора, судя по всему полагающего, что все мнения, кроме его собственного, являются если не ошибочными, то дискуссионными.

Заметно стремление И. В. Палагуты к оригинальности в трактовке пластики, однако автор не учитывает того, что «сложившиеся клише» не всегда являются ошибочными. Изобразительная традиция древних земледельцев в целом изобилует иконографическими типами, связанными с аграрной и женской символикой. Очень яркие материалы подобного рода неоднократно рассматривались исследователями Триполья-Кукутени, и если даже отнести их к разряду «клише», то от этого суть такого феномена не изменится. «Оригинальное» предложение рассматривать персонажи наборов не как пантеон богинь, а как изображение «матрон-прародительниц» еще более «шатко» и «умозрительно», чем критикуемые автором положения. Оно основано на том, что «более логично предположить» версию автора, но чем же тогда «железная логика» И. В. Палагуты отличается от «железной логики» Б. А. Рыбакова?

Отметим, что даже рассматривая наборы статуэток из «закрытых» комплексов, И. В. Палагута не может в полной мере применить предложенный им комплексный анализ, так как далеко не все сведения о наборе из Подури включены в публикации. Из проведенного И. В. Палагудой анализа набора статуэток из Подури видно, что фактически никаких новых закономерностей в группировке стилистических и морфологических черт ни статуэток, ни стульчиков им не выявлено. Корреляции между признаками, выделенными автором, не наблюдаются, индивидуальные черты конкретных фигурок, например, наличие рук, раздвинутые ноги не проанализированы и не объясняются. Следовательно, напрашивается вывод, что предложенная классификация статуэток из Подури искусственная, то есть не отражает реальных внутренних связей предметов в комплексе.

В связи со сказанным не вполне очевидно постулируемое И. В. Палагудой предположение о том, что статуэтки набора из Подури «изображают различных персонажей» (чего?), «иерархия размеров» фигурок «должна отражать их возрастной и социальной статус», а особенности декора и моделировки могут свидетельствовать об особых группах персонажей. Тем более непонятно, каким образом *искусственно* сконструированная структура комплекса статуэток «должна» отражать «организованную (?) социальную структуру», все равно — воображаемую или реальную. Отметим, что богатые этнографические данные, связанные с культом предков, И. В. Палагудой не учитываются.

Категорические возражения вызывает привлечение в качестве аналогий наборам статуэток Прекукутени материалов жилища № 3 поселения Сабатиновка 2. Нам уже приходилось писать о недостоверности реконструкции этого объекта, предложенной М. Л. Макаревичем (Бурдо 2004: 363–364), чьи данные — без анализа первоисточника — используются в работе И. В. Палагуды (Палагута 2013: рис. 8: 1).

Сравнение чертежа остатков постройки № 3 (Макаревич 1954: рис. 1) и ее графической реконструкции (Макаревич 1960: 291, рис. 1) показывает несоответствия реконструируемых деталей раскопанного объекта с рисунком (рис. 1). Западная часть постройки, где сконцентрированы находки антропоморфной пластики и остатки глиняных конструкций интерьера, была перерезана современной траншеей (рис. 1: 1), следовательно, найденные здесь ритуальные предметы не представляют полноценный комплекс.

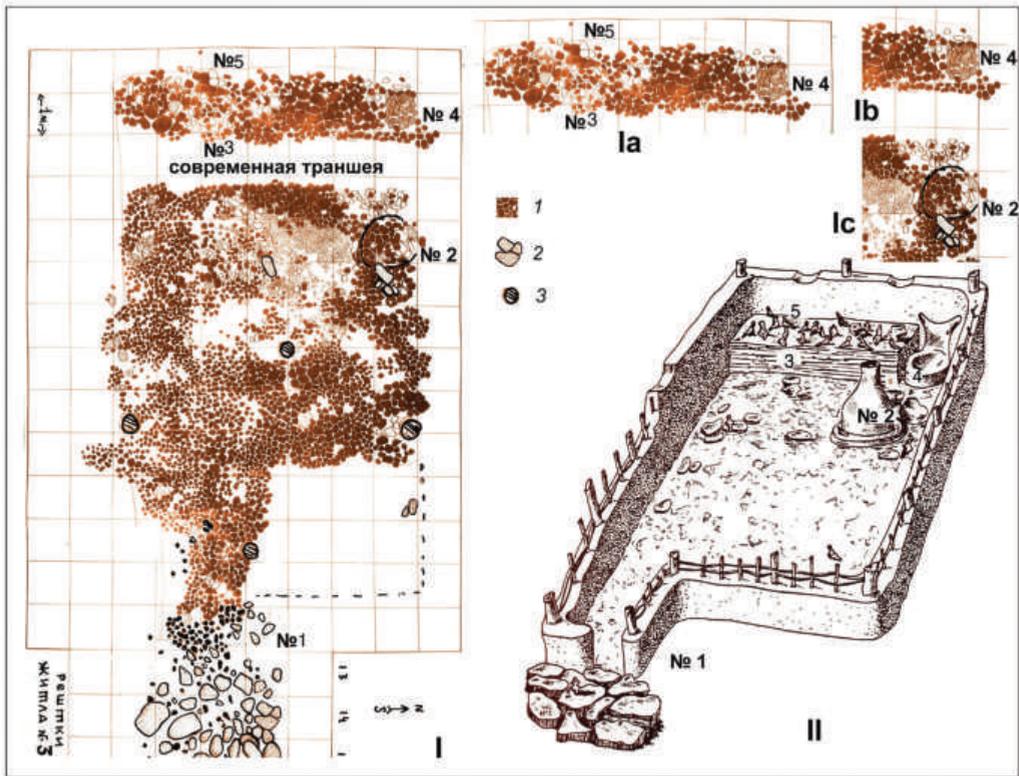

Рис. 1. Жилище № 3 поселения Сабатиновка 2 (по М. Л. Макаревичу). I — план постройки (Ia — деталь плана с возвышением; Ib — деталь плана с остатками глиняной конструкции «кресла»; Ic — деталь плана с участком ошлакованной глины, интерпретируемым как остатки печи; условные обозначения: 1 — обожженная глина; 2 — камни; 3 — скопление фрагментов керамики); II — реконструкция постройки (№ 1 — входная часть; № 2 — печь; № 3 — «алтарное» возвышение; № 4 — глиняное «кресло»; № 5 — группы статуэток; 1 — обожженная глина; 2 — камень).

Fig. 1. Sabatinovka 2, dwelling 3 (after M. L. Makarevich): I — plan of the dwelling (Ia — area with podium remains; Ib — area with clay «armchair» remains; Ic — area with heavily burnt clay, interpreted as remains of an oven. Symbols: 1 — burnt clay; 2 — stones; 3 — pottery fragments); II — reconstruction of dwelling (№ 1 — entrance; № 2 — oven; № 3 — altar; № 4 — clay «armchair»; № 5 — groups of clay figurines. Symbols: 1 — burnt clay; 2 — stone).

На рисунке реконструировано алтарное возвышение (рис. 1: II (3)), которое не соответствует данным чертежа (рис. 1: I, № 3, Ia). На чертеже фрагменты возвышения показаны вдоль всей торцевой стены, на них обозначены фрагменты «кресла» (рис. 1: I, № 4), а на реконструкции глиняное кресло, реконструированное на основании керамических моделей кресел (рис. 2: 2), находится рядом с возвышением (рис. 1: II, № 4).

Среди сильно обожженных, иногда до состояния шлака, фрагментов конструкции возвышения было найдено 6 целых и 10 фрагментарных статуэток (Макаревич 1954), также фрагменты керамики и зернотерка. Часть пластики

Рис. 2. Антропоморфные статуэтки и керамические модели «кресел» (Институт археологии НАНУ). 1–5 — Сабатиновка 2; 6–7 — Коновка (по *Mysteries...* 2008: 194–195).

Fig. 2. Anthropomorphic figurines and clay models of «armchairs»: 1–5 — Sabatinovka 2 (stored at the Institute of Archaeology, NAS of Ukraine); 6–7 — Konovka (after *Mysteries...* 2008: 194–195).

подверглась сильному повторному обжигу, благодаря этому обстоятельству на некоторых из них (рис. 2: 5) сохранился расписной орнамент (Макаревич 1954: табл. I: 8, 11) напоминающий декор статуэток из Подури.

Отметим также, что 6 антропоморфных статуэток и модель креслица найдены в другой части постройки № 3 среди скопления ошлакованных комьев обожженной глины (Макаревич 1954: 91), бесосновательно реконструированных как печь (рис. 1: II, № 2). Кроме того, фрагменты антропоморфных фигурок

и креслиц выявлены в центральной и восточной частях постройки (Макаревич 1954: рис. 1). Контекст обнаружения статуэток на достаточно обширном участке среди кусков обожженной глины, фрагментарное состояние и количественные показатели скоплений антропоморфной пластики в постройке № 3, присутствие других предметов на возвышении и в иных местах рядом с фигурками — все это отличает данный набор от наборов из Подури и Исайи. Сабатиновские находки не дают представлений ни о составе комплекса, ни о количестве предметов, искусственно объединенных в «набор» автором.

Для обоснования своих идей И. В. Палагута использует не выявленные им факты или особенности фигурок, а целый ряд допущений, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Допущение первое. Наборы антропоморфных изображений «несомненно» (?) представляли объект, отражающий объединение «иерархически организованного» (?) сообщества воображаемых или реальных людей.

Допущение второе. Предполагается «актуальность межпоколенческих и межгрупповых связей в процессе освоения ареала» на раннем этапе Триполья-Кукутени. Хороший аргумент, но ведь такая «актуальность» характерна для любого родового общества, а не только для Триполья.

Допущения третье и четвертое. Женские фигурки изображают группу матрон-прародительниц, а их размерность отражает различия в возрасте и статусе.

Допущение пятое объединяет целую серию предположений, касающихся группировки, поз и других особенностей статуэток, прямо не вытекающих из материалов.

Допущение шестое. Фигурки с разомкнутыми ногами являются не женскими, а мужскими изображениями. Пространная аргументация этого предположения, включающая не относящиеся непосредственно к проблеме рассуждения, неубедительна. Строго говоря, фигурки, пол которых не обозначен, являются антропоморфными. Шестое допущение противоречит третьему.

Допущение седьмое связано с реконструкциями интерьеров построек, в которых найдены наборы. В ряде случаев реконструкции неверны по причине недостоверности приведенных данных.

Допущение восьмое. Фигурки во время ритуала расставлялись на переносном алтаре. Отметим, что, с одной стороны, находки «алтарей на ножках», называемых также столиками на ножках, (или их фрагментов) встречаются в постройках Триполья А — Прекукутени вне связи со статуэтками, а с другой стороны, не все «наборы» сопровождалась находками «алтарей». Поэтому предположение об их связи с наборами пластики выглядит неубедительно.

И. В. Палагута полагает, что «функция наборов может быть определена только приблизительно». Однако приведенная цепь допущений приводит его к выводу о том, что «фигурки, несомненно, использовались в круге обрядов, связанных с общением с предками». Так «приблизительно» или «несомненно»?

Обзор пластики Триполья-Кукутени, следующий за интерпретацией наборов, весьма поверхностный и содержит много неточностей и необоснованных допущений. Так, орнаментированные фигурки с изображением на груди амулета, известные в единичных экземплярах, в тексте статьи представлены как массовый материал. Сообщается, что в Майданецком «набор из трех фигурок

обнаружен в контексте одного жилища». В действительности упомянутые фигурки не были набором. Они найдены в культовой яме разбитыми на две части вместе с фрагментами других антропоморфных фигурок (Бурдо 2010).

По данным И. В. Палагуты, «наборы антропоморфных фигурок» якобы имели «широкое распространение на начальном этапе развития Триполья-Кукутени». На самом деле речь идет всего лишь о двух достоверных наборах, остальные — произвольно объединенные автором артефакты. То, что пластика отражает культурную идентичность носителей прекукутенско-раннетрипольской традиции, не является открытием И. В. Палагуты. А то, что наборы из Иссаи и Подури представляют случаи «достоверных комплексов находок, где статуэтки группируются по полу и социально-возрастному статусу, представляя группы людей, находящихся в состоянии диалога», является, как показано выше, плохо аргументированным предположением автора, но не установленным фактом. То, что наборы имели отношение к культуре предков, вопреки утверждениям И. В. Палагуты, нельзя признать очевидным.

Дальнейшие выводы общего порядка, построенные на недоказанных предположениях, не убедительны и удивляют поверхностным подходом к реконструкции сложных феноменов. Например, автор настаивает на «изменении идеологических представлений на фоне образования локальных вариантов и групп памятников» Триполья-Кукутени. Эти изменения, по версии автора, сводятся к «акцентированию внимания на семейных линиях предков». Можно ли такие изменения, даже если бы они были прослежены и доказаны, рассматривать как изменение идеологических представлений? И если можно, то почему для доказательства своих предположений И. В. Палагута использует этнографические материалы, не дифференцированные по тем параметрам, которые реконструируются им для Триполья-Кукутени? Если бы «изменения идеологических представлений» происходили в обществе за 300–400 лет, которые автор отводит на период существования Прекукутени — Триполья А, то сопоставления археологических и этнографических данных были бы просто некорректны. Эти выводы опровергаются всеми исследованиями идеологических представлений древних земледельцев, в частности носителей Триполья-Кукутени, отличавшихся устойчивой традицией на протяжении более двух тысяч лет.

Представления о том, что социальные изменения находят непосредственное отражение в антропоморфной пластике, выглядят как рецидив применения «вульгарного марксизма» к археологическим источникам, присущего исследователям ГАИМК периода становления марксистской археологии в начале 30-х годов XX в. В связи с этим опыт интерпретации наборов антропоморфной пластики Триполья-Прекукутени, предложенный в статье И. В. Палагуты, нельзя считать успешным. Как бы мы ни относились к применению отдельных положений марксизма для реконструкции древней истории на основании археологических материалов, мнение автора о том, что духовную культуру древних обществ (искусство, религиозные представления) можно интерпретировать исходя из реконструкции «этносоциальной среды», которая нашла отражение в образах и метафорах, рожденных в рамках определенных культурных традиций, точно так же нуждается в доказательствах, как и любая реконструктивная модель.

Против необходимости масштабного комплексного исследования трудно возражать. Проблема заключается в том, что осуществление программы,

набросанной И. В. Палагутой, потребует многолетних усилий большого коллектива исследователей. Каждая из тем, заявленных как часть комплексного исследования, сама по себе выступает как актуальная научная проблема, весьма слабо разработанная. Таким образом, декларируемый автором подход к интерпретации антропоморфной пластики на данном этапе исследований представляется неосуществимым, несмотря на его попытки тезисно изложить социально-экономическую модель для раннего этапа культурного комплекса Триполье-Кукутень.

Вполне возможно, что определенные типы трипольско-кукутенской пластики отражают некие социальные реалии. Остается только выяснить механизм такого отражения и выработать методику, позволяющую распознавать «спроецированные образы». Но статья И. В. Палагуты никак не приближает нас к решению этих проблем, предлагая представления о воплощении в статуэтках идеи плодородия («сложившиеся клише») заменить связью наборов фигурок с культом предков. Впрочем, и эта идея не нова, поскольку еще 60 лет назад С. Н. Бибииков высказывал мысль о связи некоторых групп фигурок с культом предков, хотя полагал, что и этот культ в конечном счете подчинен идее плодородия (Бибииков 1953: 258–259).

Литература

- Бибииков С. Н. 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре: К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. М.-Л.: Изд-во АН СССР (МИА 38).
- Бурдо Н. Б. 2001. Антропоморфна теракота трипільської культури // Давня кераміка України. Археологічні джерела та реконструкції. Київ: ІА НАНУ, С. 85–86.
- Бурдо Н. Б. 2004. Сакральний світ трипільської цивілізації // Відейко М. Ю. (ред.). Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. I. Київ: Укрполіграфмедіа, 344–420.
- Бурдо Н. Б. 2010. Реалистическая пластика трипольского поселения Майданецкое // Толочко П. П. (ред.). Археология і давня історія України. Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Матеріали і дослідження. Вип. 3. Київ: б. и., 27–33.
- Бурдо Н. Б. 2013. Реалистическая пластика культурного комплекса Триполье-Кукутень. Систематизация, типология, интерпретация. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.
- Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю. 2008. Трипільська культура. Спогоди про золотий вік. Київ: Фоліо.
- Макаревич М. Л. 1952. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 4. Київ: Видавництво АН УРСР, С. 89–95.
- Макаревич М. Л. 1954. Статуетки трипольского поселения Сабатиновка II // КСИА АН УССР 3, 90–94.
- Макаревич М. Л. 1960. Об идеологических представлениях у трипольских племен // ЗОАО 1, 290–301.
- Мовша Т. Г. 1975. Антропоморфная пластика Триполья (реалистический стиль): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Погожева А. П. 1971. Глиняная антропоморфная пластика трипольской культуры (Триполье А): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

- Погожева А. П. 1983. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск: Наука.
- Рыбаков Б. А. 1981. Язычество древних славян. М.: Наука.
- Элиаде М. 1999. Трактат по истории религии. Т. I–II. СПб.: Алетейя.
- Pogoševa A. P. 1985. Die Statuetten Tripolje-Kultur// BAVA 7, 95–242.
- Monah D. 1997. Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie. Piatra Neamț: Muzeul de Istorie Piatra Neamț.
- Mysteries of Ancient Ukraine: The Remarkable Tripilian Culture (5400–2700 BC). 2008. Royal Ontario Museum.

Кожин П. М.

Статья И. В. Палагуты интересна описанием специфики статуэток, их немногих полноценных наборов, выявленной повторяемостью числовых группировок, подозрением на наличие и других подобных комплексов. Материал убедителен. Рисунки хороши. Все это, несомненно, важно и полезно. Однако степень продуманности, законченности и полезности работы следует серьезно обсудить. Речь идет сразу о значительном комплексе кардинальных проблем, касающихся раннего Триполья и Прекукутени.

Сейчас уже сложился определенный стереотип описания археологической культуры и ее хронологических и локальных подразделений. Здесь не требуется определение понятия археологическая культура, а необходимо рассмотреть лишь несколько составляющих этого феномена.

Итак, ареал — его автор не только описал, но и изобразил на карте. Автор постулирует его специфику («прерывистый ареал») и обосновывает это тем, что вся территория равномерно обследована, что незаселенные в раннее время пространства в более позднее время были заселены (и наоборот). Что истощение почв (какой объем популяции был необходим для тотального истощения почв на огромных территориях?) требовало переселений. Как общие идеи *a la Klein* — это безупречно. Для конкретной культуры с четко разработанными формами изделий, принципами домостроительства и группировки поселения представленная картина выглядит неопрятно и грустно. Это особенно выразительно, потому что автор прекрасный рисовальщик. Все, что известно, отмечено. Пункты с комплексами статуэток обозначены. Но неясно, чем руководствовались население, переселяясь в новые места, проделывая отдаленные маршруты по незаселенным равнинам, где легко можно было найти подходящие места для устройства поселений. Когда я еще только формулировал представление о прерывистом ареале (1965 г.), то имел дело, прежде всего, с фатьяновско-балановско-атликасинским материалом, где легко выделялись окраинные поселения и локальные варианты, группировавшиеся вокруг разобщенных крупных центров. К тому же, мною уже были определены основные векторы разнонаправленных расселений. Кроме того, не на основе чьего-то мнения, а по самому характеру материала определялись территории